Наша газета в рубрике «Уроки истории» продолжает публикацию отрывков из книги полковника запаса Владимира Слабуки «В исключительных обстоятельствах» (Москва, издательство «Граница», 2015).

Он является автором нескольких книг об истории органов безопасности Камчатки, о неизвестных страницах прошлого нашего края.

Изданные Владимиром Викентьевичем документальные очерки часто основываются на источниках, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Автора отличает хороший литературный язык в изложении событий давно минувших дней. О них Владимир Слабука старается рассказывать без мажорной и минорной ретуши, считая, что для нашего объективного понимания прошлого «обеление» истории еще губительнее, чем ее очернение.

Редакция «Вестей»

В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Начало

Продолжение 1

Продолжение 2

Продолжение 3

Продолжение

С Сахалина и из Комсомольска-на-Амуре в дополнение к шести транспортным самолетам, имевшимся на полуострове, на Камчатку вылетели 26 самолетов 29-й воздушной армии, загруженные теплой одеждой и палатками. Тогдашний парк транспортной авиации состоял из «Ли-2» и «Ил-12», которым, чтобы долететь из Хабаровского края на Камчатку, требовалось при благоприятных погодных условиях двое суток и несколько посадок.

К 9 ноября 23 машины к месту назначения прибыли.

А над Парамуширом первые самолеты появились днем 5 ноября. Транспортные самолеты и бомбардировщики, несмотря на сложные погодные условия, поднялись в небо. Камчатские самолеты, привлеченные к спасательной операции, 6 ноября совершили по два-три рейса на Парамушир. Уцелевшим жителям они сбрасывали продукты питания, одежду, обувь, палатки. На обратном пути, совершив посадку на аэродроме «Байково», экипажи забирали раненых и больных.

Вот что вспоминают о работе авиации сами участники тех трагических событий:

«Когда стало светло, увидели страшное, что был город, рыбные комбинаты, жилые дома, заводы и т.д., и что же оказалось – одна чистая поляна, ровная земля, как будто здесь никогда ничего не было…

Оставшиеся в живых люди были без одежды, хлеба и пищи – все сметено в море. Днем появились самолеты, стали сбрасывать в кулях хлеб, сало, палатки, одежду, обувь. Тут уж народу стало легче, что об этом происшествии знает Москва – наше правительство».

К этому надо добавить одну, как мне кажется, существенную деталь. Особого режима секретности в связи со стихийным бедствием власти не вводили. Цунами посвящалось специальное сообщение ТАСС (Телеграфное агентство Советского Союза. – ***Авт.****),* но подробности, в полном соответствии с информационной доктриной тогдашнего руководства СССР, опускались.

Стараясь исключить распространение слухов, органы МГБ организовали перлюстрацию писем гражданского населения и военнослужащих после их эвакуации с Парамушира и других островов. За месяц, с 12 ноября по 10 декабря, изъяли всего 11 почтовых отправлений, в которых содержались негативные оценки действий властей по преодолению последствий стихийного бедствия.

В тысячах остальных писем их авторы рассказывали совсем о другом. И сейчас поражает тот громадный объем организационных и практических мероприятий, проведенных всего спустя сутки после цунами.

6 ноября в уцелевшем здании штаба пулеметно-артиллерийской дивизии прошло собрание партийно-хозяйственного актива Северо-Курильска. На нем первый секретарь райкома КПСС И. Орлов объявил о начале массовой эвакуации населения и войск. На островах планировалось оставить всего несколько десятков человек.

Для руководства эвакуацией населения и войск вылетела из Южно-Сахалинска через Охотск и Магадан комиссия обкома КПСС. Непосредственной организацией эвакуации занималась группа офицеров штаба Дальневосточного военного округа во главе с генерал-майором Коршуновым.

К исходу 6 ноября стали постепенно поступать конкретные цифры о числе жертв и масштабах разрушений в других населенных пунктах Северо-Курильского района. На собрании партийно-хозяйственного актива Орлов рассказал о том, что ему стало известно. Данные у секретаря райкома тогда были еще неполные, но и они ужасали.

Поселок Рифовый – разрушен рыбокомбинат; поселок Бабушкино – уничтожены два холодильника, засолочный, бондарный цеха и электростанция. В поселке Козыревском частично пострадали рыбокомбинат, сельсовет, средняя школа, больница, почта,

полностью разрушены склады и 100 жилых домов. Поселок Байково затоплен. На острове Шумшу в 32-м военном городке уничтожены 43 квартиры, рембаза, погибли 25 моряков военно-морской базы. На мысе Васильева пропали без вести офицер и восемь солдат, ранены шесть человек, вынесены в море четыре склада с ГСМ и боеприпасами, повреждены административные здания и электростанция. На острове Онекотан из всего личного состава заставы уцелел только радист…

Но особенно страшный удар стихия нанесла по поселку Океанский и китокомбинату поселка Подгорный.

Подгорный

В ночь на 7 ноября океан штормило. Китобойное судно «Циклон» укрывалось от ветра в какой-то крохотной бухточке, но волны и здесь основательно раскачивали небольшой пароходик, на котором укрылись уцелевшие жители Подгорного. В столовой команды судна за столом, который ближе всего находился к тусклому светильнику, сидели три человека: директор уничтоженного китокомбината Л. Редькин, председатель сельсовета переставшего существовать поселка К. Юдин и старший оперуполномоченный райотдела МГБ старший лейтенант В. Волков, который выехал из Северо-Курильска в поселок Подгорный накануне землетрясения и последовавшего за ним цунами.

Смертельно уставшие люди составляли подробный акт о последствиях катастрофы в поселке. Благодаря этому документу поселок Подгорный – единственный населенный пункт, точное количество жертв в котором нам известно. К акту прилагался список погибших и пропавших без вести жителей Подгорного – всего 94 фамилии. Под номерами 95 и 96 значились приехавшие в поселок из погранкомендатуры, располагавшейся в поселке Океанский, старший лейтенант Кабанов и сопровождавший его рядовой пограничник, фамилии которого в Подгорном не знали.

Последним акт подписал директор комбината Редькин. Он с трудом удерживал карандаш дрожащей рукой. В списке пропавших без вести значилась и его жена Итта

Абрамовна…

Поселок китокомбината Подгорный располагался на берегу бухты Тухарка, названной столь несуразно по имени впадающей в нее реки, самой крупной на Парамушире. Населенный пункт и комбинат по переработке китов основали еще японцы. В этом месте долина реки Тухарки, которая в самом широком месте едва достигает трехсот метров, раздвигает высокие берега острова. На пляже японцы оборудовали слипы. По ним мощные лебедки вытаскивали на берег добытых китов. Выше располагались котлы, в которых вытапливали ворвань, еще выше – жирохранилища. Они представляли собой длинный ряд цистерн, установленных на фундаментах.

Но узкая долина, которую, казалось, сама природа создала для размещения комбината, при возникновении цунами превращалась в смертельную западню для всех, кто в ней находился.

5 ноября сон жителей Подгорного, как и большинства курильчан, на исходе ночи оборвали подземные толчки. Впрочем, может быть, и не всех. Накануне на комбинате начали выдавать зарплату и премию за удачный промысловый сезон. Получив в кассе толстую пачку банкнот, редкий житель поселка по дороге домой не заглянул в магазин, до предела забитый недавно завезенными товарами, среди которых горячительные напитки занимали не последнее место.

И все-таки значительная часть населения Подгорного, разбуженная подземными толчками, покинула дома и бараки. Серьезных повреждений не было. В домах с печным отоплением разрушились трубы дымоходов. Вот, пожалуй, и все.

Ноябрьская ночь на Парамушире, даже если стоит ясная погода, не самое лучшее время для прогулок. Продрогшие люди, почувствовав, что толчки ослабевают, начали расходиться по домам.

На порогах родных квартир многих и застали четыре тревожных гудка, которые подал дежурный кочегар малой котельной кореец Кван Ен Хван. Он жил в поселке еще при японцах и хорошо знал о грозных предвестниках цунами. С началом землетрясения кочегар выбежал из котельной и, увидев отступающий океан, понял, что последует за

таким отливом. Но он не бросился спасаться сам, а попытался спасти от гибели односельчан. Кочегар подал четыре гудка и бросился к выходу из котельной, которая находилась на берегу океана, но было уже поздно. На пороге его встретил титанический удар воды. Грохота взорвавшихся за его спиной котлов Кван Ен Хван уже не слышал. Разорвавшие ночную тишину гудки части жителей Подгорного дали шанс на спасение.

Люди плохо помнят, что творилось в те минуты, когда вокруг шипел наступающий океан. Многим казалось, что не громадная волна накрыла поселок, а весь остров погружается на морское дно. Такое впечатление от цунами возникло и у жителей других населенных пунктов. Не по этой ли причине родились слухи о том, что все Северные Курилы должны уйти под воду?..

Сила удара стихии по Подгорному оказалось столь мощной, что от большинства построек поселка не осталось даже фундаментов. Да что фундаментов! Океан смыл всю почву в долине на удалении тысяч метров от берега. Все овраги, по которым талые и дождевые воды скатывались в Тухарку, оказались плотно забиты землей, камнями, обломками домов и производственных построек.

По южному краю долины вода дошла до радиостанции, построенной на пригорке высотой метров в двадцать, и разрушила ее. На северной стороне, где в основном располагались жилые постройки, цунами уничтожило все здания. Уцелел лишь недавно построенный на самом краю поселка шлакоблочный двухквартирный дом. Вода обогнула его, забросив за жилище два кунгаса – водоизмещением 30 и 10 тонн.

Часть цистерн жирохранилища унесло в океан, часть погнуло и порвало. 150 – 180 тонн ворвани вытекло. Стоявшие на рейде поселка катера Ж-135 и Ж-257 повреждений не получили, но их капитаны долго не решались подвести «жучки» к берегу.

Но все разрушения и материальные потери не шли ни в какое сравнение с тяжестью человеческих потерь. И все-таки Подгорный оказался единственным катастрофически пострадавшим поселком, в котором восстановительные работы своими силами, без помощи со стороны начались уже утром 5 ноября. Многие жители населенного пункта демонстрировали удивительные мужество и силу духа.

Хрупкая женщина, радист поселка Любовь Притула чудом осталась в живых. Она выскочила из дома в одном нательном белье и тут же оказалась в ледяной купели бушующей воды. Она плохо помнила, как ее, оглохшую, захлебывающуюся, куда-то нес поток, ударяя о проносящиеся мимо обломки зданий и производственного оборудования. А потом волна подняла радиста и с силой швырнула на пригорок. От нестерпимой боли, которую причинил удар, Любовь Ивановна захлебнулась, но нашла в себе силы ползти вверх по склону. Это усилие воли и спасло ее. От боли и холода тело слушалось плохо, женщина с трудом передвигала ноги, но когда ей сказали, что нужно добраться до катера и попытаться с его радиостанции связаться с внешним миром, она не стала ссылаться на травмы и ушибы.

Капитан Ж-135 долго не решался подойти к берегу, у которого почти по пояс в воде стояла полураздетая женщина. Около 11 часов она все-таки смогла попасть на катер. Связавшись по радио с китобойным судном «Шквал», Любовь Ивановна сообщила капитану о трагедии. Выйдя из радиорубки, женщина упала, лишившись сознания. Из-за двустороннего воспаления легких она несколько суток пролежала в беспамятстве.

Утром 6 ноября к поселку Подгорный подошло китобойное судно «Циклон», экипаж которого возглавлял капитан Нелепин. Оно и забрало уцелевших жителей поселка.

А днем раньше К. Юдин и В. Волков организовали несколько бригад по ликвидации последствий удара стихии. Мужчины покрепче, в основном бывшие фронтовики, которыми руководил главный бухгалтер комбината А. Пешко, вели поиск погибших и раненых, оказывали помощь тем, кто в ней нуждался. Нашли тела 17 человек, в том числе Кван Ен Хвана.

К исходу дня от травм скончались еще пять жителей Подгорного.

Всех жертв стихии похоронила в братской могиле бригада старшего инженера по технормированию Х. Найденова. Скорбный холм над останками 22 человек, как на фронте, увенчала деревянная пирамида с жестяной звездой вместо креста. Тела остальных погибших унес океан. В Подгорном, в процентном отношении к общему числу жителей, оказалось больше всего жертв – около половины населения поселка.

Бригада Х. Найденова также возвела барак, в котором уцелевшие жители Подгорного провели следующую ночь.

Мастер мехмастерской комбината С. Баханов и его помощники вели поиск продуктов, ценностей, строительных материалов. Им удалось найти сейфы спецчасти и бухгалтерии. В последнем лежали не выданные рабочим и служащим комбината 508 тысяч рублей. Насколько это много, можно судить по тому, что средняя заработная плата в СССР в 1952 году составляла 673 рубля.

6 ноября около 20 часов последний человек покинул Подгорный. Восстанавливать поселок начали в 1953 году. Один из членов Курильской экспедиции Института океанологии Академии наук СССР в мае 1955 года записал в путевом дневнике:

«В три часа дня прибыли на китокомбинат Подгорный и стали на якорь далеко от берега. Низкие тяжелые облака, черная бушующая вода, белые от снега сопки, ржавое китобойное судно, разбившееся когда-то здесь о камни, несколько домиков, сиротливо стоящих на берегу…»

В таком удручающем состоянии поселок Подгорный просуществовал до второй половины 1960-х годов, пока в северо-западной части Тихого океана не запретили промысел китов.

В 2011 году мне довелось побывать в долине реки Тухарки. Пытался отыскать братскую могилу, в которой захоронены жертвы цунами. Не смог. Время и человеческая бездуховность способны уничтожить прошлое. Пройдет несколько лет, и в долине реки Тухарки уже ничто не будет напоминать ни о поселке Подгорный, ни о давней трагедии.

На Парамушире сегодня лишь немногое может рассказать о разыгравшихся здесь трагических событиях. В Северо-Курильске существует памятник жертвам стихийного бедствия. Но он относится, скорее, к разряду курьезов, чем к осознанной попытке увековечить память погибших. У властей Северо-Курильска к моменту строительства памятника в 1990 году средства нашлись на мемориальные плиты с алфавитным списком погибших только от «А» до «П». Последним в этом мартирологе значится Путин В.П.

С тех пор прошли годы, а денег на оставшиеся неназванными фамилии жертв цунами так и не отыскали. Хотя, как я полагаю, дело увековечения памяти погибших — забота не крохотного городка с нищенским бюджетом на краю страны, а всего большого государства…

На Парамушире цунами стерло с лица земли еще один поселок…

Океанский

В поселке Океанский к ноябрю 1952 года проживали 850 человек, не считая пограничников и членов семей офицеров местных заставы и комендатуры. Погибли во время цунами 223 человека. В документах упоминаний о жертвах среди пограничников Океанского я не нашел.

В поселке уцелели всего 14 домов, которые предусмотрительно возвели на возвышенности. Цунами полностью разрушило контору и цеха рыбокомбината. Со складов унесло в море около шести тысяч ящиков консервов и 750 центнеров первоклассного соленого лосося.

Воспоминания уцелевших жителей Океанского схожи с рассказами курильчан, застигнутых стихией в других населенных пунктах Парамушира, которые располагались на океанской стороне.

В ночь с 4 на 5 ноября старшина буксирных катеров Евгений Иванович Киченко, в отличие от большинства земляков, не спал. На берегу бухты он и десяток других рабочих загружал консервами баржу. Наутро катер должен был отбуксировать ее в Северо-Курильск.

В 4 часа 10-11 минут начались незначительные подземные толчки, которые быстро переросли в очень сильные. Рабочие пережидали землетрясение, отбежав от склада метров на двадцать. Когда подземные толчки немного поутихли, Евгений Киченко и его товарищи решили сделать перерыв. Посовещавшись, они намеревались разойтись на время по домам, чтобы убедиться, что их родственники живы и здоровы. Но грузчикам так и не довелось добраться до поселка.

Рабочие обратили внимание на то, что отлив, начавшийся раньше времени, оказался гораздо больше, чем когда-либо прежде. По словам Киченко, вода отодвинулась метров на триста.

Кореец из бригады грузчиков быстро объяснил рабочим, предвестником какой страшной беды может оказаться такой суперотлив. После эмоционального и короткого рассказа курильского старожила, знакомого с цунами, Киченко и другие грузчики помчались к сопке, которую, как и многие одинокие высотки, советские переселенцы на острова, не мудрствуя лукаво, назвали Дунькиным пупом.

Путь к подножию сопки преграждал вырытый еще японцами противотанковый ров. Его высокие и отвесные стены стали непреодолимой преградой для многих жителей Океанского на пути к спасению. В этом рву, по словам очевидцев, погибли несколько десятков человек.

Киченко преодолел высокие стенки рва за несколько минут до того, как в них ударил океанский вал. За трагедией Евгений Иванович и другие успевшие добежать до сопки жители Океанского наблюдали со сложными чувствами – ужаса от страшной силы разгула стихии и облегчения от того, что они оказались в относительно безопасном месте…

Со стороны океана послышался сильный шум. Свет полной луны позволил еще издали увидеть вставшую стеной и ощетинившуюся пенными зубцами волну. Она достигала

10–12 метров высоты. Водяной вал подкатился к берегу, накрыл причал, баржу и склад,

где совсем недавно трудилась бригада Киченко, и, не задержавшись ни на мгновение, понесся дальше, заливая поселок и комбинат…

Уходившая вода оставляла за собой сплошную полосу разрушений. Многие из жителей Океанского, нашедшие убежище на Дунькином пупе, едва вода схлынула, бросились вниз. Киченко оказался среди тех, кто, послушав советы опытных корейцев, сопку не покинул и остался живым.

Вот его рассказ: «Народ стал спускаться вниз, но через 30–40 минут со стороны океана вновь послышался сильный шум. Продолжалось и землетрясение. Появился второй вал высотой 16–18 метров. Он окончательно уничтожил Океанский. Обломки зданий и людей унесло в море…»

Владимир Васильевич Муратов, начальник планового отдела Океанского рыбокомбината, с началом землетрясения с женой и сыном выбежали на улицу. Женщина и ребенок долго мерзнуть не захотели и, когда подземные толчки чуть ослабли, отправились к соседям. Не знал тогда Владимир Васильевич, что видит супругу и сына в последний раз. Мужчина услышал шум со стороны океана, но не придал ему значения. Муратов зашел в квартиру, но разглядеть там ничего не смог. В кухне и двух комнатах от разрушенных печей и дымоходов висел плотный туман желтой глиняной пыли.

Зашедшийся в кашле Муратов поспешил на улицу, где его в следующее мгновение накрыла волна. Холод и ужас настолько сжали легкие, что, когда Владимир Васильевич оказался на поверхности воды, он не смог сделать и глотка воздуха. Радужные круги, поплывшие перед глазами, подсказали меркнущему сознанию Муратова, что еще мгновение – и он уйдет в небытие. Из состояния обреченности мужчину вывел сильный удар в спину. Воздух тут же хлынул в легкие, возвращая Муратову сознание.

Ударило Владимира Васильевича толстое бревно, еще несколько минут назад бывшее стеной какого-то дома. За него Муратов и ухватился. Мужчине повезло. Еще до рассвета он в числе четырнадцати других счастливчиков, спасавшихся в прибрежных водах на бревнах и обломках крыш, оказался на катере Ж-220.

Продолжение следует